

17.3.95

Никиулин Юрий Владимирович

Старший сержант Юрий НИКУЛИН:

КЛОУНОМ Я СТАЛ НА ФРОНТЕ

- Товарищ старший сержант, откройтесь как фронтовик - фронтовику: неужели это все правда?

- Истинная. Говорю, как на духу. В армию призвали в 1939-м после окончания школы. Я был горд и счастлив, что меня, как некоторых пацанов из нашего двора, не забраковала призывная комиссия. Служить начал в 15-м зенитном арtpолку, который стоял на позициях невдалеке от Сестрорецка, близ финской границы. Выглядел я тогда довольно смешно: длинный и худощавый, шинель болтается, сапоги на ходу слетают с ног. Когда на занятиях шел строевым шагом, все солдаты хохотали до слез. Я переживал, но благодаря своему врожденному чувству юмора стойко выдерживал все насмешки и на злые шутки отвечал еще более злыми. Скоро ребята поняли, что со мной лучше не связываться.

Летом 1941 года, отслужив после финской войны положенный срок, я готовился к возвращению домой. Собрал уже свой чемоданчик, на внутренней стороне которого были наклеены фотографии любимых футболистов московского «Динамо». А на рассвете 22 июня увидел группу фашистских «юнкеров» над Карельским перешейком. Наш артиллерийский полк вступил в бой. Долгожданная демобилизация не состоялась.

Как и все необстрелянные ребята в начале войны, я, хоть немножко и «понохал» пороха на финской, не отличался особой храбростью. Бывало, услышу орудийный выстрел, потом звук приближающегося снаряда и думаю: все, «мой» летит. Со временем это чувство, естественно, притупилось - уж очень частыми были обстрелы. Много раз мне казалось, что смерть неминуема.

Сейчас, когда смотрю по телевизору хроникальные кадры чеченского ужаса - взрывы, кровь, гибель молодых ребят, - снова и снова вспоминаю годы войны полувеквой давности. Война страшна не только тем, что на ней убивают. Ужаснее всего то, что она убивает человеческое в людях, превращая их порой в подобие зверя. Не может же нормальный человек, даже в бою, убивать без лютой ненависти к врагу. Я, как и все на той войне, ненавидел немцев. Не фашистов, а именно немцев. Мы ненавидели их гортанную речь, даже звуки их губных гармошек. И шли в бой, на смерть с этим чувством, которое было гораздо сильнее страха за свою жизнь.

Это была жестокая атмосфера войны. Но прошли годы, мне несколько раз пришлось побывать в Германии, встречаться и беседовать с немцами - ветеранами второй мировой войны. И не было никакой ненависти.

- И все же какой эпизод Великой Отечественной войны вам особенно запомнился?

Таким Ю. Никулина призвали в армию в 1939 году.

- Это было под городом Тарту. Прямо на нашу батарею шла лавина фашистских танков. Но, слава Богу, с флангов появились «тридцатьчетверки» и подожгли один «Тигр», остальные повернули назад. Долгие годы мне снился этот бой.

- Но были, наверное, и смешные эпизоды...

- Еще на финской войне я понял, как важны для солдата юмор, шутки, которые помогали легче переносить все невзгоды. На фронте и начал собирать, записывать в тетрадку анекдоты. Однажды с одним сослуживцем поспорили на десять пачек папирос «Звездочка», кто из нас знает их больше. И вот после отбоя, в землянке, в присутствии солдатского «жюри» состоялась наша «дуэль».

Около трех часов ночи конкурент сдался, и я стал чемпионом батареи по анекдотам.

Да и во фронтовой жизни было немало смешных случаев. Однажды после ночного перехода мы, вконец уставшие и голодные, добрались до места, где нам предстояло рыть окопы. «Все взяли инструменты?» - спросил командир, имея в виду лопаты. А я ответил: «Взяли, товарищ майор!» - и достал из-за голенища сапога... ложку. Все буквально покатились со смеху. Зато траншеи вырыли раньше срока - легко и быстро.

- Выходит, правду говорят, что Никулин как клоун дебютировал на фронте?

- После прорыва ленинградской блокады наша часть с боями вступила в Прибалтику. В октябре сорок четвертого я, старший сержант, командир отделения, участвовал в освобождении Риги. Вскоре нас отвели на кратковременный отдых в небольшой латвийский городок Валмиере. Однажды меня вызывает

Его любят и знают все. Тридцать пять лет на манеже, около сорока ролей в кино... Но далеко не всем известно, что директор и художественный руководитель цирка на Цветном бульваре Юрий Владимирович Никулин прошел от первого до последнего выстрела две войны - финскую и Великую Отечественную. Говорят, что, прослужив в армии семь лет, он 2555 дней и ночей не снимал солдатской шинели. Не раз приходилось надевать ее и в мирное время...

А таким он закончил войну в 1945-м.

друзей. Я старался показать его добрым, простым деревенским парнем. Над ним солдаты подшучивали, посмеивались, а он без обиды сносил все их подковырки. Снимали мы на Дону, невдалеке от станицы Клецкая, в местах, которые Бондарчук указал сам Шолохов, так как именно здесь и шли тяжелые бои, описанные в неоконченном романе писателя. Однажды Шолохов захотел познакомиться с актерами, играющими его героев, - Бондарчуком, Тихоновым, Шукшиным, Бурковым и мною. В течение трех часов мы были его гостями в станице Венгской.

Вспоминаю, как, набравшись храбрости, я попросил Михаила Александровича в следующих главах романа, над которыми он тогда работал, не «убивать» моего Некрасова. Шолохов рассмеялся и пообещал мою просьбу выполнить. Я запомнил слова великого писателя, сказанные нам на прощание: «Я хочу, чтобы в фильме все было правдиво до боли...»

Когда режиссер Герман предложил мне сыграть главную роль в картине по произведению Симонова, я, прочитав сценарий, сразу решил отказаться, считая, что эта роль не для меня. Зрители привыкли видеть Никулина на арене цирка и в кинокомедиях. Хотя у Симонова в «Лопатинских повестях» говорилось, что его герой похож на... клоуна. Когда кинопробы показали автору, он сказал: «Да, это он, мой Лопатин!».

Съемки были тяжелыми, в первые недели я сильно похудел, и костюмерам пришлось ушивать мне гимнастерку и шинель. А взять хотя бы эпизод в поезде, где мой герой впервые встречается с Ниной.

Когда читал сценарий, думал, что это, как обычно, будет сниматься в павильоне: построят декорацию вагона, и будут его покачивать из стороны в сторону. Но режиссер решил снимать «по правде». Нашли вагон тех лет, выбили в нем окна, прицепили к паровозу и гоняли по перегону между Ташкентом и Джамбулом. Снимали ночью в 20-градусный мороз. У нас шел пар изо рта, и мы с Гурченко, исполнительницей роли Нины, промерзли до костей. Но, увидев отснятый материал, убедились в правоте режиссера и почувствовали необыкновенную подлинность происходящего. Экран стал достоверным, как бы хроникальным, и был проникнут духом того времени.

В этой картине я столкнулся с большой трудностью - мне впервые предстояло сыграть любовь. Но какой из меня герой-любовник? Потом подумал: а разве только в красивых могут влюбляться женщины? Да еще в годы войны, в тыловом городке, где «все мужчины ушли на фронт». Я старался сыграть Лопатина добрым и все понимающим человеком.

- Юрий Владимирович, как вы собираетесь отметить 50-летие Победы?

- Постараюсь встретиться со своими боевыми друзьями. В Москве их осталось немного. Раньше, бывало, в День Победы весь наш дивизион снимал большой зал в ресторане, а теперь, к сожалению, можем собраться и в небольшой квартирке. Конечно, пойдём на Поклонную гору поклониться тем, кто не вернулся из боя. Хорошо, что есть такое святое место. Пройдут годы, и не останется на свете ветеранов той страшной войны. Только обелиски будут напоминать о них.

Скажу откровенно, я никогда не думал, что доживу до моих лет - а мне уже 73! - а дожив, увидел, что можно жить и дальше. Оказалось, что старость совсем не так уж и плоха - в ней есть и свои прекрасные стороны. Она страшна лишь частой потерей дорогих друзей. Хочется только дожидаться такого времени, когда в нашей стране снова будет все хорошо.

- У журналистов стало традицией в конце беседы обращаться к Никулину с просьбой рассказать «свеженький» анекдот. Я же прошу вспомнить старый, фронтовой.

- В самом конце войны собрались солдаты и давай обсуждать, какую же казнь придумать пойманному Гитлеру? И придумали: надо раскалить железный прут и вставить ему в задницу, но не горячим концом, а холодным.

- А почему холодным?

- Чтобы союзники не вытащили...

Беседовал Борис ВИЛЕНКИН, участник Великой Отечественной войны.

Фото из домашнего альбома артиста.

Однажды на фронте я со своим сослуживцем поспорил на десять пачек папирос «Звездочка», кто из нас знает больше анекдотов. И вот после отбоя, в землянке, в присутствии солдатского «жюри» состоялась наша «дуэль». Около трех часов ночи конкурент сдался, и я стал чемпионом батареи по анекдотам.

концерт стал для вас чем-то вроде артподготовки, чтобы во время нашего выступления не смолкали канонада аплодисментов и взрывы смеха. И чтобы вы, получив заряд юмора, с веселыми минами на лицах разошлись по своим боевым расчетам». Мои незамысловатые шутки очень нравились солдатам, они смеялись от души.

Наверное, вот тогда, на этих концертах, я и загадал, что после войны, если меня не убьют, обязательно стану артистом.

- Но и после Победы вам пришлось немало «повоевать» - я имею в виду съемки фильмов «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны»...

- Когда Бондарчук предложил мне сниматься в его картине, он сказал так: «Мы оба - фронтовики, и сделать этот фильм - наш солдатский долг». Мне было интересно работать над образом полкового баллагура рядового Некрасова, он был похож на многих моих фронтовых